

The background of the cover is a detailed illustration. On the left, a figure in a dark, hooded cloak stands in profile, looking towards the right. In the center, a black wrought-iron gate stands closed. Behind the gate, a large, ornate, light-colored building with multiple spires and towers is visible, resembling a cathedral or a grand estate. The scene is set in a courtyard with stone walls on the left and right. The ground is covered with fallen leaves and several open books, suggesting a place of study or a site of discovery. The overall atmosphere is mysterious and historical.

Ильнур Байменов

**ЛЕГЕНДА О ШУТЕ И
МОНАХИНЕ. КНИГА
ВТОРАЯ.
ЧЕРНИЛЬНЫЙ
ЦЕНЗОР**

Ильнур Байменов

**ЛЕГЕНДА О ШУТЕ И
МОНАХИНЕ. КНИГА ВТОРАЯ.
ЧЕРНИЛЬНЫЙ ЦЕНЗОР**

«Автор»

2026

Байменов И.

**ЛЕГЕНДА О ШУТЕ И МОНАХИНЕ. КНИГА ВТОРАЯ.
ЧЕРНИЛЬНЫЙ ЦЕНЗОР / И. Байменов — «Автор», 2026**

Получив в наследство старый дом, Кирилл находит в подвале чёрную тетрадь. Стоит написать в ней любое желание — и оно исполняется. Но за каждую строчку приходится платить: воспоминаниями, страхами, лицами близких. Тетрадь породила Шута — тень, которая забирает плату и смеётся над каждым новым автором. Монахиня, запертая внутри страниц, пытается помочь, но у неё почти нет времени. Теперь Кирилл должен найти способ уничтожить рукопись, спасти свою сестру, которая уже стала её частью, и не потерять самого себя. Мистика, городские легенды и леденящий душу хоррор в первой книге серии «Легенда о шуте и монахине». Смогут ли герои остановить древнее зло или им придётся заплатить самую высокую цену?

© Байменов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ильнур Байменов ЛЕГЕНДА О ШУТЕ И МОНАХИНЕ. КНИГА ВТОРАЯ. ЧЕРНИЛЬНЫЙ ЦЕНЗОР

Глава

ЛЕГЕНДА О ШУТЕ И МОНАХИНЕ

Книга вторая: Чернильный цензор

Пролог. Запечатанный завет (1884 год)

Свеча оплывала тяжелыми, маслянистыми каплями, заливая угол дубового секретера. В келье монастыря Святой Клары пахло не ладаном, а едким купоросом и сыростью, поднимавшейся от болот. Отец Игнатий молился уже четвертый час подряд, но слова застревали в горле, превращаясь в сухой, беззвучный хрип. Его правая рука, державшая стальное гусиное перо, мелко дрожала. Кожа на пальцах священника давно потемнела, намертво впитав синевато-черный глянец, словно чернила текли теперь прямо по его венам.

На столе перед ним лежала тетрадь в обложке из грубой кожи. На ее желтоватых страницах не было полей, но текст, который Игнатий выводил последние несколько месяцев, казался живым. Буквы слегка шевелились, когда на них падал слабый свет пламени.

— Ты слишком медленно пишешь, отче, — раздался из темного угла кельи сухой, надтреснутый голос. — Читатели теряют интерес. А когда падает интерес, исчезает и твоя жизнь.

Священник не обернулся. Он знал, кто стоит за его спиной. Из густой тени медленно проступили очертания высокой, уродливо истонченной фигуры. Шутовской колпак с тремя ржавыми, глухими бубенцами беззвучно покачивался в такт его рваным движениям. Бубенцы не звенели — они издавали едва слышный металлический скрежет, похожий на скрежетание зубов. На бледном, похожем на фарфоровую маску лице Шута застыла неизменная, неестественно широкая улыбка. Но его круглые, антрацитово-черные глаза оставались абсолютно мертвыми и холодными.

— Это не моя книга, — хрипло произнес отец Игнатий, не поднимая глаз от страницы. — Это твой капкан. Ты заставил меня написать процветание для этой обители, но умалчивал о цене.

— Цена всегда соразмерна таланту, — Шут издал короткий, лающий смешок, от которого пламя свечи мгновенно окрасилось в мертвенно-синий цвет. — Посмотри в окно. Монастырь процветает? Да. Золото течет рекой. Ты получил то, что вывел своим пером. А то, что твои послушники один за другим покидают этот мир, оставляя записки с моими шутками — что ж... Это всего лишь незначительные правки редактора. Издержки жанра.

Священник резко опустил перо. На странице расплылась тяжелая, жирная клякса. Чернила мгновенно впитались, и на их месте сами собой начали формироваться ровные, убористые буквы, складывающиеся в новые имена тех, кому суждено было исчезнуть до конца недели.

— Я закрою эту книгу, — твердо сказал Игнатий, протягивая руку к тяжелому монастырскому кресту.

— Не сможешь, — Шут мгновенно оказался рядом. Его длинные пальцы, похожие на заточенные грифели, зависли в сантиметре от лица священника. От существа веяло могильным холодом и запахом старой, мокрой бумаги. — Книга не закроется, пока в ней есть чернила

и пока жив хотя бы один персонаж. Ты — автор, Игнатий. Но автор здесь больше ничего не решает. Настоящую власть имеет Цензор. И этот цензор — я.

В этот момент тяжелая дубовая дверь кельи с грохотом распахнулась. На пороге стояла сестра Клара. Ее монашеское одеяние было покрыто дорожной грязью, а лицо казалось белым, как мел. В руках она сжимала латунный сосуд со святой водой и старинный монастырский устав.

— Уходи, тень! — ее голос прозвучал чисто и звонко, заставив Шута судорожно дернуть головой. Бубенцы на его колпаке отозвались злым, яростным шипением.

— О, новая героиня? — Шут обернулся к ней, и его улыбка растянулась еще шире. — Какая смелая. Какой предсказуемый сюжетный поворот. Хочешь пожертвовать собой ради финала?

— Я стану замком для этого зла, — Клара посмотрела на отца Игнатия. — Отче, запечатайте меня внутри строк. Напишите, что моя душа навеки привязана к этому переплету. Я буду держать его изнутри, пока не придет тот, кто сможет уничтожить саму бумагу.

Отец Игнатий посмотрел на нее с ужасом, но Шут уже протягивал руку к тетради, его черные глаза яростно пульсировали. Чернила на столе зашевелились, поднимаясь навстречу существу. У священника не оставалось выбора. Он схватил ручку и, сжимая зубы от катящихся из глаз слез, начал быстро, лихорадочно писать на последней странице: «И принесла себя в жертву сестра Клара, запечатав дух свой в чернильные швы, дабы сдерживать Шута до скончания веков...»

Когда Игнатий поставил точку, комната содрогнулась. Черная тетрадь на столе бешено захлопнулась, издав звук, похожий на выстрел. Сестра Клара беззвучно вскрикнула и упала навзничь, но ее тело, еще не успев коснуться пола, начало стремительно бледнеть, превращаясь в полупрозрачный серый дым. Через мгновение на полу осталась лишь пустая монашеская ряса.

Шут исчез с диким, захлебывающимся воплем, растворившись в воздухе вместе с черной тенью.

Отец Игнатий остался один в пустой келье. Он посмотрел на свои руки — синеватые чернила ушли глубоко под кожу, заполнив его вены до самых плеч. Священник взял закрытую тетрадь и спрятал ее в самый глубокий тайник под алтарем монастыря. Он знал, что монастырь Святой Клары обречен. Со временем болота поглотят эти стены, люди построят здесь что-то другое, но проклятый чернильный цензор будет ждать нового автора, который снова откроет первую страницу.

Глава 1. Болотный архив
Дорога на Топи исчезла под колесами внедорожника примерно за два километра до цели. Старый асфальт, изъеденный глубокими трещинами, сменился скользкой, покрытой ряской гатью. Вокруг тянулись бесконечные заросли камыша и низкорослых, мертвых берез, чьи голые ветви уродливыми пальцами царапали грязное августовское небо. Туман здесь не рассеивался даже днем — он висел над землей тяжелым, сизым саваном, пахнущим сероводородом и гнилой бумагой. Кирилл заглушил двигатель. В салоне мгновенно воцарилась давящая, звенящая тишина, нарушаемая лишь редким, тяжелым стуком капель дождя по лобовому стеклу. На пассажирском сиденье лежала черная тетрадь. Кожа ее переплета теперь казалась более теплой, почти человеческой на ощупь. Кирилл бросил взгляд на свои ладони — синева под ногтями, въевшаяся после написания первого желания, поднялась уже до запястий, тонкими капиллярными нитями уходя под рукава куртки. Время поджимало. Алина была там, внутри строк, и каждый час промедления мог превратить ее из живого человека в обычную блеклую метафору. Взяв тетрадь и тяжелый поисковый фонарь, Кирилл вышел из машины. Подошвы берцев сразу погрузились в вязкую, холодную жижу. На горизонте, сквозь пелену испарений, проступал массивный силуэт Областной психиатрической больницы 4. Архитектура этого места выглядела уродливо. Нижняя часть здания —

цокольный этаж и фундамент — состояла из грубого, потемневшего от времени крепостного кирпича девятнадцатого века. Это были остатки монастыря Святой Клары, выстоявшие против времени и болотной сырости. Выше над ними громоздились три этажа из серого советского бетона с узкими окнами, закрытыми ржавыми, выгнутыми наружу решетками. Больницу спешно эвакуировали три года назад. Официально — из-за просадки фундамента и угрозы обрушения, неофициально — после того, как семеро пациентов из закрытого отделения временно выкололи себе глаза осколками столовых тарелок, утверждая, что «текст в их головах слишком громко кричит». Главный вход встретил Кирилла сорванной с петель дубовой дверью. Внутри пахло застоявшейся хлоркой, мокрой штукатуркой и старыми медицинскими карточками. Фонарь выхватывал из темноты длинный коридор: перевернутые каталки, обрывки смиренных рубашек и покрытые плесенью стены, с которых пластами слезала зеленая масляная краска. Кирилл шел вперед, ориентируясь на подсказку тетради: «Ищи Топи... Спасение в подвалах». Направление было очевидным — вниз, к монастырским истокам. Спустившись по склизкой каменной лестнице, парень оказался в цокольном этаже. Здесь планировка резко менялась. Вместо советских больничных палат по обе стороны коридора тянулись узкие сводчатые кельи с тяжелыми железными засовами. Воздух стал ледяным. Под ногами зашуршала грязная, маслянистая вода, поднявшаяся выше щиколоток. Она была странного, глубокого синего оттенка и совсем не пахла болотом. Это были разведенные чернила. В самом конце подвального крыла, за дверью с разбитым смотровым окошком, послышался ритмичный, пугающий звук. Кто-то методично, секунда за секундой, царапал металл. Кирилл приблизился и направил луч фонаря внутрь кельи. На ржавой железной кровати, по пояс в чернильной воде, сидел старик. Его одежда давно превратилась в серые гнилые лохмотья, а длинная седая борода спуталась с водорослями. Но самым страшным было его занятие. В правой руке старик сжимал обломок хирургического скальпеля. Им он медленно, сантиметр за сантиметром, срезал кожу со своего левого предплечья, вырезая глубокие, кровоточащие буквы. Вся его грудь, руки и шея были покрыты старыми белыми шрамами, складывающимися в бесконечные строчки убогистого текста. — Новая глава... — прохрипел старик, не поднимая головы. Луч света заставил его зрачки расшириться до краев радужки, отчего его глаза казались абсолютно черными. — Цензор прислал свежее мясо. Шут всегда возвращается за эпиграфом. — Меня зовут Кирилл, — парень рванул ржавый засов и вошел в воду, которая мгновенно отозвалась тяжелым, густым сопротивлением. — Я нашел черную тетрадь деда. Мою сестру заблокировали внутри строк. Кто вы такой? Старик издал сухой, лающий смешок, похожий на хруст разрываемой бумаги. — Кто я? Я автор бестселлера, мальчик. Тридцать лет назад я нашел эту суку в старом доме на окраине. Я написал себе славу, деньги, признание. Я исписал половину страниц. А когда у меня кончились собственные чернила — воспоминания о детстве, образ матери, вкус первой любви — Шут пришел за соавторством. Он забрал мою жену. Переписал ее. Сделал второстепенным персонажем, которого убивают в третьей главе для поднятия драматизма. Старик резко выбросил вперед руку, хватая Кирилла за куртку. Пальцы безумца были жесткими, как деревянные колышки. — Тетрадь у тебя? Показывай! Скажи мне, что написано на девяностой странице первой книги? Моя Анна еще там? Или Цензор уже зачеркнул ее имя? Кирилл молча достал тетрадь. Стоило обложке показаться над водой, как чернильная жижа вокруг кровати старика бешено забурилась. Вода начала подниматься вверх, вопреки законам физики, формируя на стенах кельи жуткие, дергающиеся силуэты. — Монахиня сдерживает его, — прошептал старик, внезапно задрожав и вжимаясь в стену. — Клара держит переплет изнутри. Но книга вышла в сеть. Алгоритмы самиздата дали Шуту миллионы новых читателей. Каждая новая оценка на ЛитРес, каждый просмотр — это сила Цензора. Он оцифровался! Он больше не сидит в бумаге! В этот момент за спиной Кирилла, в темном коридоре подвала, раздался знакомый, леденящий душу звук. Сухой, царапающий скрежет ржавых бубенцов. Шут пришел за своей рукописью.

Глава 2. Главный герой

Скрежет бубенцов в узком коридоре лечебницы не затихал, а нарастал, превращаясь в плотный, вибрирующий гул, от которого закладывало уши. Чернильная вода в келье старика пошла крупной рябью. Фонарь в руке Кирилла жалобно мигнул, его луч стал тусклым, желтушным, едва пробивающим стусившуюся тьму. Из коридора повалил холодный, липкий туман, пахнувший типографской краской и старым сукном.

— Он здесь, он пришел дописать нас! — старик забился в самый угол железной кровати, поджав колени к подбородку. Скальпель выпал из его дрожащих пальцев и с тихим плеском исчез в темной воде. — Прячь книгу, идиот! Если Цензор заберет переплет, мы все станем просто зачеркнутыми абзацами!

Кирилл обернулся к выходу из кельи. В проеме железной двери, вытесняя туман, медленно формировался силуэт Шута. В подвальной полутьме его фигура казалась еще более гротескной: сутулые плечи, неестественно длинные руки, достигающие до колен, и три рожка шутовского колпака, которые дергались в такт его рваному, ломаному дыханию. Лицо-маска по-прежнему сохраняло мертвую, застывшую улыбку, но антрацитовые глаза яростно пульсировали синим неоновым светом. Он больше не выглядел как средневековый призрак. Сквозь его чернильное тело то и дело пробегали строки мелкого компьютерного кода, ломая контуры фигуры на пиксели. Старик был прав — монстр оцифровался, впитав в себя силу миллионов читателей сети.

— Какая предсказуемая сцена, Кирилл, — голос Шута прозвучал одновременно со всех сторон, словно транслировался через неисправные динамики больницы. — Локация «заброшенная лечебница». Встреча со старым безумным пророком. Ты скатываешься в дешевые штампы. Мой Модуль качества поставил бы этой главе самую низкую оценку. Отдай мне тетрадь. Твоя Алина уже заняла свое место в каталоге персонажей. Ей там не скучно.

— Убирайся к черту! — Кирилл вскинул тетрадь перед собой, словно щит. Синева на его запястьях вспыхнула острой, обжигающей болью, капилляры под кожей вздулись, превращаясь в темную сетку.

— К черту? Как нелитературно, — Шут сделал резкий, дерганный шаг вперед. Бубенцы на его голове издали злой, металлический лязг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.